

Доверчиво и радостно

Две недели Ереванский драматический театр с успехом выступал в Московском театре имени Ленинского комсомола. Сотни москвичей посмотрели его спектакли, с большим интересом и одобрением принимала публика и классические и современные постановки. Но наши связи с ереванской труппой — более интимные, личные, дружеские, потому что великодушный режиссер Р. Капалаян был постановщиком и в театре имени Ленинского комсомола.

Не знаю, какого возраста актеры Ереванского драматического театра, но они молоды — играют и живут на сцене легко, доверчиво и радостно. Такая молодость искусства может остаться навек у художника — он не будет знать старости, как не знал ее К. Станиславский.

Когда я смотрела комедию «Любовь и смех», у меня на языке вертелось слово «преlestно». Это, правда, прелество. Грациозность движений, радость танца, музыка, смех — казалось, что все актеры умеют летать, не только ходить.

С первой же постановки я почувствовала руку Р. Капалаяна — ничто на сцене не делается ради холодной формы, ничто ради выдуманности или стремления к тому, чтобы выгнуть себя вне актера, вне автора. Форма спектакля найдена как необходимостью. Она современна, потому что взгляд на содержание, этой комедии у режиссера современен. Он видит не так, как видели ее

зрители, читатели много лет назад. Выражена пьеса остроумно, чудесные выдумки сменяют одна другую. Очень изящна сцена в экипаже.

Актеры ведут нас не только в мир комедии и шуток, но и в атмосферу сатиры. В спектакле высмеивается низкопоклонство перед всем иностранцем, и делается это сквозь шутку и через характеры действующих лиц.

Немзар-ханум играет Эма Вартанян. Она и увлекательно смешна и вместе с тем жестоко казнит свою героиню.

Все актеры играют в одном стиле. В комедиях особенно бывает, что актер напирал на публику, как бы излишне старается объяснить свое поведение, просит одобрения и тогда понемножку теряет достоинство художника. И есть другая чудесная манера — заманить в свой внутренний мир зрителя. Таким стилем и играется эта комедия.

Огромное событие для каждого театра — это встреча с Шекспиром. Это значит заглянуть в такие глубокие человеческие миры, открыть для себя и для зрителя такие мысли, поражающие силой и простотой, что в биографии артиста, сыгравшего какую бы то ни было роль в шекспировской трагедии или комедии, — это взлет на гору. А с этой горы становится все виднее — и следующие роли, и пьесы, и свои собственные силы.

В спектакле «Ричард III» сцена обставлена свободно и сурово, как будто бы нет за-

боты об историзме и о быте. Но небольшие детали настраивают фантазию зрителя, помогают ему перенестись в мир, изображаемый великим драматургом.

Ричард играет Левон Тухикян. Вначале кажется, что он внешне не соответствует описанию Шекспира — слишком высок и т. д. Но как быстро и легко он убеждает, что уродство входит в характер его героя. Ричард видит себя уродом, и я начинаю смотреть на него его же глазами.

«Бесприданница» — спектакль очень трудный. Театры часто обращались к этой пьесе, так блестятельно написанной А. Островским. Островский предельно выразил и образы героев пьесы и всю среду, погубившую Ларису. И вот вопрос — ставить спектакль «традиционно» или во что бы то ни стало искать в пьесе еще не вышедшее выражение.

Р. Капалаян отвечает на это по-своему: «Обычно считают, раз театр молодой, значит, он игнорирует традиции. Я отмечаю это утверждение

сразу. Традиции — необычайно живое и развивающееся понятие, и мы стремимся к тому, чтобы жить ими и развивать их».

В «Бесприданнице» не нарушены традиции внешне, но этот спектакль имеет нечто новое. Я говорю не о форме. Иногда у нас происходит путаница — считается традиционным тот спектакль, в котором нет необычно выдуманной формы. Новое содержание требует новых форм, и форма не является заменой содержания.

В «Бесприданнице» есть новое в самом содержании спектакля — это образ Карандышева. Его очень интересно играет Гуж Маякян. Он требует к себе сочувствия. Он смешон и гоним. Ярко раскрыты в спектакле также нравы социальной среды, и Карандышев вписывается в эту картину, как жертва ее. И внешне его образ удивительно живой.

Красива и поэтична Лариса — Геворгян. У Островского каждый образ богат своей непрекращающейся внутренней жизнью — этой

жизнью живет Лариса с первой и до последней сцены. Верно, сдержанно ведет свою роль Гарибян (Куров).

Искусство всегда нужно людям, как воздух. Но оно должно быть прежде всего искренним и горячим, даже пылающим. Мы все богачи, потому что у нас есть вечная помощь от вечно молодого Станиславского, но он должен быть понят каждому художником правильно: «Система моя должна служить как бы дверью для творчества. Но надо суметь не загордиться, а отворить эту дверь для себя».

Так продолжайте же открывать эту дверь, и счастливым вам путь в дальнейшем труде и низкий поклон от товарищей и друзей. Рачно Капалаяну за создание молодого и сильного театра.

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР.

До новых встреч, дорогие московские зрители!